

или аффиксов в качестве самостоятельно функционирующих единиц, «замена» значения мотиватора или деривационного средства. Способы актуализации идиоматичных компонентов значения, не имеющих материальных средств выражения, несколько иные: они связаны с особенностями семантики словообразовательного аффикса (деривационная морфема с вариативным значением) или мотиватора (наличие в значении последнего имплицитных сем национально-культурного характера);

3) несомненно, что описанные выше средства не являются закрытым списком условий фокализации морфемно-мотивационных особенностей производного слова. «Разнообразные потребности носителей языка в учете формальной стороны слов» при порождении текста требуют дальнейшего изучения [2, с. 165].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блинова О. И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте // Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976. Вып. 2.
2. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.
3. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1981.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

Л. А. БЛИНОВА

Уральский технический университет

Н. А. КУПИНА

Уральский государственный университет

НРАВСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ В ЛЕКСИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (по материалам современной публицистики)

Рассматривается лексическая представленность ведущих нравственных концептов (мораль, истина, духовность, гуманизм, совесть и т. д.) в современной публицистике.

Связь механизмов жизни и языка безусловна [1; 2]. Лингвистический, в частности лексический, анализ может дать многое для изучения природы внутреннего мира человека, его мировосприятия и мировоззрения. Предлагаемая вниманию читателя статья — попытка установить некоторые закономерности в

освоении и переосмыслении нашими современниками ведущих нравственных концептов.

Характерные для эпохи перестройки нравственные поиски щедро отражаются в языке публицистики и — прежде всего — в публикациях, исследующих причины духовного кризиса. Мы представляем итоги анализа словоупотреблений, связанных с обозначением, интерпретацией, оценкой нравственных концептов. Источники материала — газеты и журналы 1989—1991 гг. Реализованный в исследовании принцип порционной выборки лексического фразового материала, как нам кажется, дал возможность отвлечься от точки зрения отдельного автора, редакции и выявить определенные тенденции в осмыслении различных граней нравственного.

Отвлеченные нравственные понятия лексически определены, что отражается в комбинировании противопоставленных функционально-парадигматических рядов¹:

— наименования общечеловеческих духовных ценностей:

- 1) нравственность, мораль, этика;
- 2) правда, истина;
- 3) духовность, дух, душа;
- 4) гуманизм, человечность;
- 5) совесть, совестливость;
- 6) счастье;

— наименования общих антинравственных категорий:

- 1) безнравственность, аморальность;
- 2) ложь, обман, вранье, лицемерие, лесть, коварство, фальшь, фальсификация;
- 3) бездуховность;
- 4) дегуманизация, бесчеловечность;
- 5) бессовестность;
- 6) несчастье.

Смысл каждого существительного в текстах многократно уточняется более конкретными по семантике однокоренными образованиями. Например: *ложь* — *ложный*, *лживый*, *лгать*, и др. Таким же образом ряды имен существительных получают парадигматическую конкретизацию в виде рядов однокоренных прилагательных, наречий, глаголов. Паронимическая конкуренция не отличается однонаправленностью. Так, *нравственность* обладает меньшей частотностью, чем *нравственный*; *правда* — большей частотностью, чем *правдивый*, *ложь* — большей частотностью, чем *лгать*, *лживый*, *ложный*.

Главный вид внутрипарадигматической связи — синонимия: *гуманизм* — *человечность*; *безнравственность* — *аморальность* и др. Соответственно становление нравственного концепта осуществляется в ряду логически однородных концептов.

¹ Расширение выборки может дать количественное увеличение рядов, но не изменение принципов комбинации элементов.

Главный вид межпарадигматической связи — антонимия. Соответственно главный способ освоения нравственных концептов — оппозиционный, антонимический. Левая (с положительной оценкой) и правая (с отрицательной оценкой) стороны оппозиции с лексической точки зрения не всегда равновелики. Ср. *духовность, дух, душа — бездуховность; правда, истина — ложь, обман, вранье, лицемерие, лесть, коварство, фальшь, фальсификация*. В первом случае замечаем разветвленность левой, во втором — гипертрофию правой стороны противопоставления. Для осмысления смыслового и концептуального противоречия не требуется обязательной реализации в речи антонимической пары. Достаточным является наличие аксиологически несоответствующего контекста, весьма типичного для публицистики [1; 4]. Например: *На совести охламон (увы!) не только мрачные конфликты прошлого*. Грубо-просторечное наименование глупца и бездельника *охламон* содействует ироническому восприятию концепта *совесть*, ибо *охламон* лишен чувства ответственности за свои поступки. Ирония обеспечивает имплицитное присутствие объекта, противоположного прямо именованному, восполняет отсутствие лексического антонима.

Остановимся на центральных лексических противопоставлениях, представляющих в текстах публицистики нравственные концепты.

1. В границах головного ряда *нравственность — безнравственность* бесприставочные образования вытесняют приставочные. Доминанта — существительное *нравственность* — и его функциональный заменитель *этика* уступают по частотности однокоренным прилагательным, хотя и употребляются достаточно активно. Напротив, существительное *мораль* употребительнее прилагательного *моральный*. Логически и синтаксически однородные контекстные партнеры отбираются в соответствии с языковыми лексическими нормами². Например: *Академик Лихачев ставит вопрос иначе, рассматривает проблему экологии с точки зрения нравственности, под знаком философии, этики; Сегодня наука напрямую сталкивается с проблемами нравственности, этики; Фонды и распорядители счетов поощряют отечественную культуру и нравственность*. Приведенные и подобные им контексты поддерживают логическое и акциональное содержание самого концепта, соответствуют этому содержанию. Очень характерно, что синтаксически однородный ряд, в котором реализуется концепт *нравственность*, может содержать неоднородные элементы, захватывающие сферу реальной жизни, при том что речевой по-

² Норма понимается как реализация возможностей языковой системы. В данном случае имеются в виду возможности языковой лексической парадигматики (см. [5; 6]).

крывает контекст социальный: *Мы сейчас все на свете ищем: мыло, нравственность, политические идеи, колбасу, решения по национальному вопросу, железнодорожные билеты, школьные тетради, а когда ищется все на свете, поиск идет не столько по законам логики, сколько наудачу, по праву чувства и предчувствия.* Подобные употребления акцентируют имеющую место в реальной действительности вулгаризацию нравственного, вытеснение нравственных концептов насущными материальными реалиями. Так возникает аксиологически несоответствующий фразовый контекст, создаваемый также парадоксальной лексической сочетаемостью, наличием в пределах фразового окружения единиц с семами отрицания, деформации, разрушения, болезни: *дистрофия нравственности, разрушена вековая этика, воровская мораль, моральный кризис, моральный недуг, традиции этики прервались* и др.

Существительное *нравственность* употребляется с атрибутивными уточнителями. Важным оказывается противопоставление *общественная нравственность — личная нравственность*. Интерпретация общественной нравственности осуществляется в двух основных сферах — национальной и религиозной. Это находит непосредственное отражение в лексической сочетаемости: *общественная нравственность, национальная нравственность, нравственность русского народа, христианская нравственность*. Мысль об отсутствии общественной нравственности передается парадоксальными атрибутивными сочетаниями (*рыночная нравственность*).

Смысл «личная нравственность» реализуется при поддержке существительных со значением лица: *нравственность — человека, лидера, поэта*. В оппозиции *общественное — личное* наиболее тщательной разработке подвергается сфера общественного.

Прилагательные *нравственный, моральный, реже этический* употребляются в стандартных и нестандартных контекстах. В стандартных контекстах в большинстве случаев реализуется социально-конвенциональная сторона концепта и соответственно смысл «нормы, принципы поведения в той или иной области». Достаточно устойчиво употребляются сочетания с существительными, как правило, во множественном числе: *закон, норма, устой, право, основы, принципы, позиция ориентир* (ср. также отдельные нестандартные сочетания: *моральный императив, нравственное табу*). Акциональное и логическое содержание в контексте соответствуют друг другу: *Вопрос о виновности и невиновности человека, о зависимости или независимости его нравственного поведения от общественной среды возник перед человечеством; Нравственное поведение — такое, которое соответствует моральным канонам, нормам*. Ряд стандартных контекстов переосмысливается. Так, официально-

деловые клише *морально-политическое единство, морально-политический облик*, приобретают иронический оттенок: *Настроение у пацанов, тот самый морально-политический облик, который так оберегает военная цензура, находится на чрезвычайно низком уровне.*

В нестандартных контекстах чаще всего акцентируется неправомерное вытеснение нравственности из ряда традиционных духовных ценностей. Актуальны смыслы: «нравственные деформации, перемены», «изменение нравственных норм» (*моральное, старение, моральная катастрофа, моральная демагогия, моральный недуг, нравственная хворь, нравственная болезнь*); «результаты нравственных деформаций» (*моральные последствия, моральные долги, морально-этический кризис, нравственное опустошение*); «препятствия к реализации норм морали» (*моральный террор, моральное сопротивление, нравственный тормоз*). Акциональный контекст не соответствует логическому содержанию концепта: *Моральная и социальная демагогия — излюбленная стихия чиновника и бюрократа, его, если хотите, Клондайк. Моральная демагогия — «рассуждения и требования, основанные на искажении морали».*

2. Осмысление нравственных концептов в границах ряда *правда — ложь* отличается лексически закрепленной *градуальностью*: *Воспитываются свои журналисты, писатели, ученые, артисты и прочие «свои», знающие, чего от них хотят, готовые к полуправде, тенденциозности и откровенной лжи.*

В текстах публицистики оппозиция *правда — ложь* оказывается непреодолимой. Об этом свидетельствует не только ступенчатость ряда *правда — полуправда — ложь*, но и атрибутивные партнеры существительных в метафорических сочетаниях (*протухшая правда, принудренная ложь, графаретная ложь*), а также контексты, имеющие темпоральные указатели с семей «длительный»³. Последние оказываются в тесной связи с концептом *ложь*: *Я о лжи, которой мы так долго все дышали. Наша воля атрофировалась, а в легких черной смолой осела повторявшаяся тридцать лет ложь.* Отметим также активизацию слов *правдоискатель, правдоискательский*. Производящий глагол *искать* передает значение неопределенности, сдерживающее преодоление оппозиции *правда — ложь*: *И если сегодня вернуть в строй тех немногих правдоискателей, уверен, картина внешнего благополучия на самом деле окажется иной; ...и его правдоискательская одиссея обрела... жутковатую хронологию.* Сглаживанию оппозиции содействует и фигура тождества в приложении к противопоставленным концептам: *Может быть, эта ложь, но симпатичная такая, похожая на правду.*

³ Уместно привести высказывание Н. Бердяева: «Проблему времени я считаю основной проблемой философии» [3].

Поиски правды осуществляются в русле христианской и национальной морали, что проявляется прежде всего в отборе лексических партнеров: *Мы растоптали и забыли все христианские истины; Кто истинно молится, тот возыскает Святую Русь, несовместимую с молитвой о гибели невинных людей; Наверное, не погрешу против истины, если скажу, что русская культура порой больше известна на Западе, чем в национальных республиках; Пейзажное мышление. Это более, чем образ Земли в душе, это способность к узнаванию в природе и перенесению в природу того, что я бы определил как национальный образ истины; ...границы великой истины о России и др.*

Обман как грань лжи — намеренная ложь — чаще всего интерпретируется по отношению к лицу (субъекту и объекту): *обман человека человеком, жителей, а также самообман, обманутый, заниматься самообманом, тотальный самообман: Общество похоже на обиженного и во многом изверившегося человека: обманутый любимой, такой человек перестает верить в любовь вообще, преданный другом — в дружбу, преследуемый неудачами — в успех.* Члены оппозиции социальное — личное уравниваются по аналогии с механизмами намеренной лжи.

Резко отрицательное разговорное наименование намеренной лжи *вранье* употребляется в более отвлеченном смысле, который усиливается контекстными интенсивами. И в данном случае важен национальный фон: *Все мы так устали от скрытой «остроты» национального вопроса, от утомительного вранья и умалчивания, от простых провокаций на эти темы, что и говорить неохота.*

Таким образом, при осмыслении намеренного обмана оказываются существенными позиции субъекта и объекта лжи (человек, общество) и интенсивного отвлеченного действия. Возможно совпадение субъекта и объекта.

Смысл «порочающая кого-либо ложь» манифестируется лексическим рядом с доминантой *клевета*. В данном случае отмечаем фразовое уточнение объекта лжи как жертвы клеветы. Жертва клеветы — одновременно и жертва тоталитарной идеологии. Обобщенность объекта-лица подчеркивается субстантиватом: *Возвращая долги оклеветанным, незаслуженно забытым и униженным, наше общество пробует очиститься, сбросить невероятный груз вины перед теми, кому пришлось страдать из-за неподходящего происхождения, имени, родства или пункта в анкете.* Пограничные концепты — вина, долг, покаяние.

Переосмыляется известный штамп *клеветать на действительность*: *Здесь авторы не клеветают на действительность, не сгущают краски: к середине 80-х годов разрыв отцов и детей принял даже агрессивный характер.*

Близкий к описанным смысл «намеренная подделка, искажение» передается отвлеченным именем *фальсификация* и родственными словами: позицию объекта занимают неодушевленные существительные (*фальсификация дел, документов, результатов* и др.). В текстах вырисовывается ролевая социальная позиция *фальсификатора*: *Ведь черные дела никогда не отмоешь добела, как бы ни тужились это сделать разного рода фальсификаторы.*

Контексты, актуализирующие смысл «клевета», соединяют социальные и личностные аспекты нравственности, а само понятие *клевета* расширяет свое содержание «порочащая кого-либо, что-либо идеологизированная ложь».

Освоение концептов *правда — ложь* сопровождается интерпретацией *лицемерия* как социального идеологического явления. Интересно, что лицемерие, как правило, не связывается с поведением отдельного лица, а приписывается в целом или типовым представителям классов, партий, политических течений (*большевики, коммунисты, популисты, так называемые демократы, правительство* и др.). Для обозначения этого понятия активно используются существительные *лицемерие, лесть, коварство, фальшь* и однокоренные образования.

В лексическом окружении отмеченных сигналов лицемерного регулярно актуализируется сема «идеологический»: *Социалистический образ жизни означает универсальность, принудительность и лицемерие ритуалов.* Ср.: *лицемерная идейность, фальшь идеологии.* В приведенных фразах ощущается своеобразная метонимизация значения. Конкретное лицо как бы исключается из ситуации, акцентируется моральный результат многолетнего притворства, прикрывающего идеологические цели. В аналогичном метонимическом значении употребляется и существительное *фальшь*: *Русская жизнь и русская культура — это не невзоровская скандально-уголовная хроника «600 секунд», которая пытается доказать, что все вокруг фальшь, гниль и распад.*

Укрупняется, социологизируется объект лицемерия (*лестить народу, рабочему, студентам, молодежи* и др.).

3. В ряду *духовность — бездуховность* наиболее активным оказывается левый член оппозиции.

Духовность противопоставляется материальному потребительству и интерпретируется как традиционная национальная ценность. В речевые контексты включаются слова *русский, Россия, национальный, история.* Например: *Мы делаем все, чтобы забыть исторический опыт духовности России и торопиво идем в тупик; От русских ждут, ждут нового уровня духовности.* Духовность толкуется как благоприятная среда нравственного возрождения. Отметим в этой связи метафоры *озон духовности, аура духовности.*

Наиболее устойчивый логический однородный ряд — *духов-*

ность, культура, бескорыстие, вера. В ряду этих понятий мыслится существование духовности, которая воспринимается в развитии, в перспективе роста. Распространены сочетания *развитие духовности, рост духовности, уровень духовности.* Например: *Наличие частной собственности имеет ключевое значение для повышения, как это ни странно, уровня духовности.* Само существительное *духовность* употребляется в аксиологически несоответствующих и соответствующих контекстах. Последние преобладают.

В наших материалах широко представлено прилагательное *духовный*, конкретизирующее концепт *духовность*. Прилагательное и соответствующее субстантивированное существительное выделяют сферу духа в отдельную, самостоятельную, противопоставленную сфере материальной. Устойчиво употребляются сочетания *духовный мир, духовная сфера, духовная среда, духовная жизнь, духовный опыт, духовная культура, духовные понятия, духовный смысл.* Духовное воспринимается как нечто насущное, жизненно необходимое для статуса человека. Последнее выражается словосочетанием с достаточно общим смысловым наполнением *духовные потребности* и сочетаниями, в том числе метафорическими, с более конкретным смыслом: *духовная пища, духовная жажда.* Духовные потребности исследуются в многообразных связях и отношениях с интеллектуальными конструктами (*духовное сознание*), эмоциональной деятельностью (*духовные муки, страдания, наслаждения*) и рассматриваются как условие благополучия личности и общества (*духовное здоровье, духовное удовлетворение*).

Духовное мыслится в контексте исторического времени (*духовная связь времен, духовные традиции, русская духовная история, духовные типы цивилизации*). Категория духовного разрабатывается в непрерывном развитии. Не случайна тенденция к сочетаемости с отглагольными существительными, сохраняющими семы процессуальности и непредельности: *духовное созревание, рост, строительство, совершенствование.* Не менее важна возможность сочетаемости с отглагольными существительными, сохраняющими в своей семантике семы процессуальности и предельности: *«духовная победа, духовное достижение; духовная потеря, утрата.*

В контексте акцентируется позиция лица как носителя и пропагандиста духовности. Активны сочетания *духовный учитель народа, духовный вождь, духовный лидер, духовный наставник.* Нами зафиксировано метафорическое сочетание *духовный маяк.* Как правило, видовое наименование лица и собственное имя современного духовного лидера не называются. Текстуальная модальность здесь тяготеет к модальности возможности, желательности. Реальная модальность возникает лишь при интерпретации исторического прошлого: *В России роль духовных учителей выполняли фигуры светские —*

поэты и писатели. Употребление собственных имен рядовых людей, обладающих особой духовностью, нетипично.

В акционально несоответствующих контекстах, уступающих по количеству акционально соответствующим, развиваются смыслы, связанные с затруднениями развития духовности, духовного потенциала общества (*духовный кризис*), разрушением духовных ценностей (*духовная разруха, полное расстройство духовных связей, рвать духовные связи*), лишениями (*духовные утраты, потери*). Нередко контекст сочетает ряд таких отрицательных смыслов: *Разрушение и упадок русского национального пейзажа — следствие духовного кризиса, постигшего все общество.*

Для разработки публицистикой концепта *духовность* немало важно философское осмысление психической способности как стимулятора психической деятельности человека, его внутреннего состояния. Эти смыслы покрываются существительными *дух, душа*. Как свидетельствуют наши материалы, *дух, душа* трактуются прежде всего собирательно, глобально, как нечто такое, что присуще вообще русскому человеку, русскому обществу. И снова философская категория времени выступает в роли экрана философского видения русского духа и русской души: *Выявляется болезнь времени; Выявляется подмена цели средством, потенциала духа — особенностями быта.* Ср. также сочетания *национальный дух, подвиг духа, сила духа, душа народа, душевные силы* и др.

Акционально несоответствующие контексты встречаются редко и передают идеи разрушения, деформации: *коррозия души, тотальная люмпенизация духа.*

Слово *бездуховность*, прямое наименование отсутствия духовности, употребляется значительно реже, чем его антоним. Это восполняется акциональным несоответствием контекстов и единиц, входящих в гнездо «дух». *Бездуховность* мыслится как социальное явление, охватившее все наше общество: *Вульгарность и бездуховность наших будней вторгается в наши праздники. Россия гибнет, русская культура лежит в развалинах, русский народ впал в одичание и погряз в бездуховности.* *Бездуховность* мыслится как нравственная болезнь настоящего момента, не соответствующая истинному облику русского народа.

В нравственных исканиях публицистов духовное (внутреннее, идеальное, вечное), не противопоставляется прямолинейно бездуховному (внешнему, материальному, сиюминутному), а как бы вводится во внешнее, поглощается этим внешним, уравнивается с ним или отделяется от него.

4. Ряд *гуманизм — бесчеловечность* представлен в наших материалах довольно узко. Лексические сигналы концепта: *гуманизм, гуманный, гуманистический, гуманизированный, высокогуманизированный, гуманист, человечность — дегуманиза-*

ция, бесчеловечный, бесчеловечность. Осмысление концепта *гуманизм* проходит в русле традиций. Толкование составляющих концепта не противоречит словарным определениям, не расширяет, не сужает и не специализирует эти определения. Концепт осознается на фоне исторического этого периода (*гуманистические традиции*) и в исторической перспективе (*Будут поставлены под вопрос перспективы подлинно гуманистического прогресса*).

Словосочетание *гуманизированный (гуманный) социализм* употребляется в аксиологически положительных контекстах в ориентации на будущее: *Выскажутся ли эти народы за настоящий гуманизированный социализм, которого у нас еще не было?* Ср. также: *Курс на гуманный социализм оправдан.* В ряду случаев данное словосочетание приобретает иронический оттенок (*так называемый «гуманный социализм»*). Аксиологическая определенность указанного словосочетания отсутствует по причинам, уходящим в политику: оценка находится в прямой связи с политическим мировоззрением автора речи.

Концепт *гуманизм* толкуется с привлечением категории лица как активного носителя гуманистических идей, традиций (*великий гуманист Толстой* и др.).

Понятие *гуманизм* употребляется в одном ряду с такими понятиями, как *демократия, интернационализм, социальная справедливость, перестройка*. Налицо связь нравственного концепта с политическими категориями.

5. В ряду *совесть — бессовестность* активнее левый член оппозиции, лексически представленный названным существительным и однокоренными образованиями *совестливый, совестливость, совестный*. Концепт *совесть* чаще всего употребляется в одном ряду с другими нравственными концептами (*душа, добро, честь, милосердие, правда, согласие*), с эмоциональными категориями (*спокойствие, страх, тревога, неуверенность*). В противоборстве нравственного и политического, идеологического побеждает нравственное (*диктат совести над любой партийной униформой*). Об этом свидетельствует и ироническое употребление известного лозунга-цитаты: *Или такая вот загадка. Воспылал вдруг неприязню наш народ к своим ум, чести, и совести; Непростое это чувство, когда ты видишь такое количество людей ожесточенных, взывающих, требующих возвращения догматизма, когда кажется тебе, что ты разглядываешь съезд сквозь реликтовое наслоение — ум, честь и совесть эпохи.*

Концепт *совесть* связывается с лицом вообще (*человеческая совесть*), с социальным статусом человека (*гражданская совесть*), с политической принадлежностью (*партийная совесть*). Совесть осмысливается как национальная черта личности (*Русский человек часто губит себя из-за повышенной совест-*

ливости) и как черта общечеловеческая (*Совесть, честь, милосердие были, есть и всегда будут присущи всем порядочным людям любой национальности*). Личная нравственная ответственность регулярно связывается с честной работой (*работать не за страх, а за совесть; работать в согласии с собственной совестью*) и осознается как свободный выбор (*свобода совести*).

Бессовестность в публицистических текстах тенденциозно привязывается к государственным, партийным структурам и людям, которые их представляют: *бессовестность номенклатуры; бессовестность одного из наиболее симпатичных людей из окружения Горбачева; бессовестная логика ведомственных чинов; партработники бессовестно врал и др.*

6. Ряд *счастье* — *несчастье* в наших материалах представлен ограниченно. Смысл «чувство, состояние полного удовлетворения» приобретает тенденцию к социальному укрупнению. Типовыми являются словосочетания *счастливое общество, счастье народа, счастье страны*. Категория *счастье* как бы примеряется к советскому человеку. В данном случае интерпретация проводится скорее с социально-политических, чем национальных позиций: *Советский человек только в борьбе обретает счастье свое; Окружение советского человека ему враждебно и еще до войны на картах плакатного назначения счастливый розовый цвет страны Советов многозначительно оттеняли оттенки коричневого.*

Акциональные контексты, как правило, не соответствуют концепту *счастье*: *Да, перестройка не создала нового, более счастливого общества.*

Категория *несчастье* также представлена в контексте политических событий и социально укрупнена: *Коммунизм, — скажут русские националисты, — не вина русского народа, а его несчастье; По-прежнему раздирает страну гражданская война, которая и есть причина всех несчастий народа.* В данном случае, как правило, фиксируем акционально соответствующие контексты.

Мы рассмотрели нравственные понятия в шести концептуальных параллелях. Разумеется, границы нравственных поисков значительно шире, но они проходят на фоне отмеченных общих категорий. Лексический анализ вскрывает некоторые закономерности в освоении нравственных концептов. Нравственные искания в наши дни осуществляются в границах исторического времени и с учетом исторической перспективы. Интерпретация нравственности и ее составляющих находится в органической связи с национальными традициями русского народа и христианской морали.

Возрождение нравственности мыслится как возврат к основам христианской и русской национальной морали. Становление нравственных концептов сопровождается социологизирован-

ностью, приматом социального над индивидуально-личностным. Параллельно происходит переосмысление идеологизированных нравственных концептов, однако полного освобождения от идеологизированности не наблюдается. Каждый из противопоставленных концептов имеет прямое лексическое выражение и — дополнительно — ряд лексической поддержки (однокоренные образования, лексические синонимы), однако для интерпретации логического содержания нравственных категорий существенным оказывается аксиологически несоответствующий речевой контекст.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арутюнова Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики — 1982. М., 1984.
2. *Она же.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. *Бердяев Н.* Самопознание. М., 1990.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993

М. В. ТРОСТНИКОВ

Московский лингвистический университет

МЕТАФОРА И. АННЕНСКОГО И А. ФЕТА

На основе широкого понимания природы метафоры сопоставляется образная организация поэтики А. Фета, завершающего «золотой век» русской поэзии, и И. Анненского, открывающего ее «серебряный век».

В лингвистике, литературоведении, критических работах да и в сознании рядового читателя два имени, вынесенные в заглавие статьи, часто встречаются вместе¹. Удивительное сходство творческой судьбы этих поэтов, признанных лишь в конце жизни и объявленных предтечами и пророками после смерти, общность метода, стиля, установленное статистиками совпадение тематических и ключевых слов их поэзии не могли не привлечь внимания [12; 13]. Неоднократно говорилось о романтизме Фета (А. Эгеберг) и Анненского (Е. Беренштейн), об импрессионизме Фета (Б. Бухштаб) и Анненского (В. Корецкая), о колоризме их поэзии (Ст. Гиль), о музыкальности их лирики (Е. Эткинд) и т. д.

¹ Традиционно Анненский воспринимается больше как поэт XIX в., нежели как декадент: «Не высидел дома: Анненский, Тютчев, Фет» (В. Маяковский), однако в отличие от предшественников, завершавших своим творчеством один из этапов развития языка русской лирики, Анненский — основоположник языка поэзии XX в. (см. [7]).